

ПИСЬМА СИДОНИЯ И ЖИЗНЬ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Е.В. ЛИТОВЧЕНКО

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

Данная работа посвящена анализу специфики менталитета позднеримских интеллектуалов позднеантичного времени по письмам Сидония Аполлинария – галльского аристократа V в. Исследование проводится в русле микроисторического подхода. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на нестабильную политическую ситуацию и даже падение Рима, а также принятие христианства большинством латинских авторов в период с IV по VI вв., в их сознании продолжала господствовать языческие культурные установки.

Ключевые слова: поздняя античность, эпистолография, интеллектуалы, риторическое образование, менталитет, классическая традиция.

Возникший в 70-е годы прошлого столетия интерес к «субъективной стороне истории»¹, оформившийся в самостоятельное направление исторической науки – микроисторию, не угасает и на сегодняшний день. Исследование в течение длительного времени макросистем – обществ и государств – привело к пониманию невозможности изучения их эволюции без анализа микросистемы – социально-психологической природы человека древности и средневековья.

Микроисторики стремятся сосредоточить внимание на конкретных, легче обозримых аспектах прошлого, раскрыть существовавшие для индивида поведенческие альтернативы, выявить его личный выбор, мотивы этого выбора, его последствия. Именно полнота подобных микроданных позволяет конкретно проследить и изменение индивида, и связь таких изменений с окружающей социальной средой². Наиболее ценным при таком подходе оказывается выявление бессознательных мотивов поступков людей, важно как бы подслушать потаенные разговоры их сознания, определить действительные духовные ориентиры.

Проблемы духовной жизни общества традиционно входят в круг интересов как антиковедов, так и медиевистов, но именно этот период, с конца IV по начало VI вв., как правило, освещен в исследованиях наиболее слабо в силу своего транзитивного (переходного) характера.

Показательной фигурой в плане освещения разнообразных сторон жизни позднеантичного общества является галло-римский аристократ Сидоний Аполлинарий (430-488).

Творчество Сидония Аполлинария не слишком разнообразно в жанровом отношении и представлено в поэтических образцах и эпистолографии³, поскольку в позднеантичный период именно эти, так называемые, «малые жанры» литературы были широко распространены и являлись наиболее информативными.

Наиболее характерной литературной продукцией позднеантичного периода являются письма, которые представляют для нас ценный исторический материал. Сложившийся еще в Древней Греции, эпистолярный жанр и в разные периоды римской истории также пользовался большой популярностью. Писание писем подчинялось четким стилистическим нормам, разработанным риторикой. Широкое распространение эпистолярной практики в середине IV в. связано с деятельностью риторской шко-

¹ Kocka J. Sozialgeschichte. Goettingen, 1986. S. 167.

² Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. М., 1995. С. 11.

³ Специальные исследования, посвященные этому жанру: Lanham C.D. *Salutatio Formulas in Latin Letters to 1200. Syntax, Style and Theory*. Munchen, 1975; Cugusi P. *Evoluzione e forme dell'epistolografia Latina nella tarda repubblica e nei primi due secoli dell'impero*. Rome, 1983; Zelzer M. *Die Briefliteratur* // NHL. 1997. S. 321-353.

лы Либания. Здесь письмо становится одной из самых любимых художественных форм и служит как бы мерилем литературного таланта его автора (Lib. Epist.).

В подлинную переписку проникают штампы риторики, складывается сходство приемов, идей, формул. Общим местом писем становятся предложения, известные формулы, чаще всего цитаты древних авторов (Гомера, Пиндара), помещаемые в начале посланий. Позднеантичные письма (Симмах, Сидоний и др.) пестрят мифологическими образами и общими мыслями типа «у друзей все общее», «достигшие власти забывают друзей» и т.д.⁴

Теория эпистолярного стиля этой эпохи изложена в письме христианского писателя Григория Назианзина. Исходя из традиционных требований ясности, краткости, общепонятности эпистолярного стиля Григорий подчеркивает критерий соразмерности, а также обращает особое внимание на «очарование письма», понимая под этим определением, что любое письмо должно быть интересным: «Третье – это очарование письма. Мы сохраним его, если не будем писать совсем сухо и тяжеловесно или безыскусно, нестройно, неряшливо, а это случается, когда мы пишем без предложений, пословиц, изречений, без шуток и намеков, делающих речь более приятной, – и если не будем также злоупотреблять этим. <...> Оставим софистам антитезы, параллелизмы, исколоны; если и вставим их кое-где, то сделаем это шутя, а не всерьез...» (Greg. Naz. Epist. ad Nicobulum, 51-259).

Памятники литературы, подобные письмам, несмотря на специфику их творчества, имеют для нас особую важность, поскольку в них мы находим богатый материал для знакомства с событиями того времени и, кроме того, можем получить представление о той картине мира, которая была присуща их авторам – представителям образованного слоя позднеантичного общества.

Наиболее характерной фигурой литератора V в. был галльский аристократ Сидоний Аполлинарий (ок. 430 – ок. 480 гг.)⁵, происходивший из сенаторской семьи и получивший прекрасное образование в Лугдунской (совр. Лион) риторической школе.

Удачная женитьба на Папианилле – дочери Авита – позволила Сидонию стать зятем императора. По случаю получения Авитом консульства (456 г.) поэт сложил в его честь огромный стихотворный панегирик (более 600 гекзаметров; Carm. VI-VII), в котором созывает целый Олимп, заставляет Юпитера произнести пространное изложение жизни и деяний нового императора, просит Феба «сберечь свое сияние для неба; для земли достаточно Авита». Стихотворение это упрочило литературную славу Сидония Аполлинария: ему воздвигнута была статуя в портике Траяна (Carm. VIII).

Через полтора года, после свержения Авита с престола, Сидоний Аполлинарий должен был вернуться в Галлию, где принял деятельное участие в возмущении провинции против нового императора, Майориана. В 458 г. Сидонию удалось получить прощение Майориана, и в благодарность за это он сложил панегирик и в честь нового императора, таких же размеров, как и в честь своего тестя (Carm. IV-V, Epist. I. 11). В этом стихотворении, выполненном, в общем, гораздо лучше предыдущего, Сидоний Аполлинарий искусно обходит всякий намек на участь Авита и доходит до геркулесовых столбов лести; произнося панегирик в Лионе, очаге восстания и наиболее пострадавшем от императорских войск, Сидоний Аполлинарий восклицает: «Нам нравятся самые наши развалины, так как мы были причиной вашего триумфа» (Carm. IV-V). В любопытном предисловии Сидоний Аполлинарий оправдывает перемену своих убеждений примерами двух знаменитых писателей древности: Вергилия и Горация. Когда в

⁴ Античная эпистолография. М., 1967. С. 22.

⁵ Подробнее о жизни Сидония см.: Küppers J. Autobiographisches in den Briefen des Apollinaris Sidonius // Antike Autobiographien. Werke – Epochen / hrsg. v. M. Reihel. Goettingen, Köln, etc., 2005. P. 251-277; также: Prevot F. Sidoine Apollinaire et l'Auvergne. Fizeilier-Sauget, 1999. P. 63-80; Harries J. Sidonius Apollinarius and the Fall of Rome, A.D. 407-485. Oxford: Clarendon Press, 1994. 292 p; Gioanni S. Communication et preciosite. Le sermo epistolaire de Sidoine Apollinaire a Avit de Vienne, Comunicazione e ricezione del documento cristiano in epoca tardoantica. XXXII incontro di studiosi dell'antichita cristiana (Roma. 8-10 maggio 2003). Roma, 2004. P. 515-544; Anderson W.B. Sidonius. Vol. I: Poems and Letters. Loeb Classical Library, Cambridge, 1936 (reprinted 1980). P. LX and n.1 (comm.); Mascoli P. Per Una ricostruzione del Fortieben di Sidonio Apollinare / Invigilata Lucernis 26, 2004. P. 165-183.

461 г. Майориан был убит, у Сидония не нашлось ни одной строчки, чтобы почтить его кончину; зато он сумел поладить с одним из ближайших преемников Майориана, Антемием, которому в 468 г. держал похвальное слово, также в стихах, такого же объема и также по случаю второго его консульства (Carm. I-II). Панегирик Антемию по выполнению стоит гораздо ниже двух предшествующих; тем не менее, Сидоний Аполлинарий получил за него должность префекта столицы (*praefectus urbi*) и титул патриция: «Любезный Соллий, – сказал мне мой патрон, – хотя ты обременен занятиями по порученным тебе делам, но мне хотелось, чтобы, в угоду новому консулу, ты вызвал свою старую музу, пусть она, хотя наскоро, продиктует тебе поздравительное стихотворение. Я со своей стороны постарался бы устроить принятие и произнесение панегирика и подготовить успех его. Если ты веришь моей опытности, эта безделица может сильно подвинуть вперед и твое дело». Я повиновался; Василий не оставил стихов моих своей благосклонностью, и, ручаясь за мою преданность, он так обошел моего консула, что тот сделал меня префектом своего сената» (Epist. I. IX, 1).

Несмотря на то, что Сидоний родился в христианской семье и закончил свою жизнь в сане епископа Клермон-Феррана, его поэзия и проза, благодаря языческим мотивам, гораздо ближе к произведениям Клавдиана⁶ и Симмаха Старшего, чем к творениям Амвросия Медиоланского и Августина Блаженного. Именно поэтому Сидония причисляют к «последним римлянам» наряду с Авзонием, Кассиодором, Боэцием.

От Сидония сохранилась книга стихов (24 стихотворения) и девять книг писем. Стихи его продолжают традицию Клавдиана (по выражению Михаэля фон Альбрехта «Сидоний пытается стать вторым Клавдианом»⁷) – это панегирики, эпитафии, стихи на случай, где похвала новобрачному, рассказ о подвигах императора или описание красивого поместья вставляются в пышную мифологическую рамку: Юпитер в собрании богов внимает жалобам страждущего Рима и пророчествует о государе, который явится его спасти. Паллада в своем аллегорически убранном храме выслушивает весть о свадьбе философа Полемиа и благословляет новобрачных, Аполлон встречает Вакха, со свитой возвращающегося из Индии, и убеждает его направиться не в Фивы, а в усадьбу Понтия Леонтия, которая гораздо достойнее его.

Введением ко 2-й части служит 9-е стихотворение, в котором Сидоний весьма однообразно излагает другу Феликсу, чего нельзя ожидать от его произведений сравнительно с предшествующими поэтами. Послание это, к которому весьма близко подходит по содержанию 23-е стихотворение, особенно любопытно потому, что дает понятие о громадной начитанности, которой обладал Сидоний Аполлинарий в классических античных поэтах. О некоторых из сообщаемых здесь мелких фактов по истории римской литературы не упоминает ни один другой писатель (например, указание на происхождение возлюбленной Овидия, Коринны, из дома Августа). Далее, в числе стихотворений встречаются два брачных гимна (*epithalamia*; Carm. X-XI; XIV-XV), описание поместья (*burgus*) одного из друзей поэта, дающее ясное понятие о жилище богатых современников поэта (Carm. XXII). Остальные стихотворения – послания к друзьям и родственникам.

Письма Сидония продолжают традицию Плиния и Симмаха: это продуманно составленные сборники, где реальные письма с просьбами, поздравлениями, утешениями перемежаются с посланиями, написанными нарочно для публикации, панегирического или описательного содержания, интересными для истории быта. Стихи Сидония писались по большей части в молодости, письма – в зрелые годы; но, хотя он и писал о светской словесности: «таковые занятия под стать были прежнему нашему возрасту, ныне же пора и читать важное, и писать важное», – общий дух его творчества оставался неизменным всю жизнь⁸.

⁶ О нем: Cameron A. *Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius*. Oxf., 1970.

⁷ Альбрехт М. фон. *История римской литературы*. М., 2005. Т. 3. С. 1475.

⁸ Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л., Самарин Р.М. *От античности к Средневековью (V-VI вв.): [Латинская литература] / История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., 1984. Т. 2. С. 447.*

На долю Сидония выпала сложная роль представителя переходной эпохи, когда окружающий мир стремительно менялся: на смену монолитной и стабильной политической системе римской государственности приходили разрозненные и политически обособленные варварские королевства, которые, постоянно враждуя между собой, вели римский мир и античную культуру к постоянному ослаблению. Происходил распад прежде единого мира, сопровождающийся усилением раздирающих его противоречий и военных конфликтов.

По свидетельствам предшественников и современников Сидония, жизнь римлян этой эпохи характеризовалась не только тяжелым экономическим положением, засильем варваров, произволом чиновников, но и общим падением нравов.

Но как бы ни обстояло дело с низшими слоями населения, каковы бы ни были неудачи экономического развития, оказавшиеся роковыми в исторической перспективе, аристократия сохраняла уверенность в себе и продолжала вести традиционный для римского нобилитета образ жизни. В текстах Сидония представлена почти диаметрально противоположная реальной картина жизни позднего Рима.

В письмах Сидония верхушка римского общества в большинстве своем получает исключительно положительную характеристику, он ценит этих людей за знатность рода и заслуги предков, за опыт и благосостояние, за высокий уровень образованности: «Конечно, сенат представляет много имен, известных огромными богатствами, знатного рода, почтенных по летам, опытных в деле совета, высокопоставленных по званию и равных по общественному положению...» (Sid. Epist. I. 1, 9).

Картину жизни римского общества V в., представленную Сидонием, отличает, в целом, атмосфера спокойствия и благополучия: «...Во время моего приезда праздновалась свадьба патриция Ричимера с дочерью Августа (Антемия), соединенных ввиду общественного спокойствия. Среди всеобщей радости не только всех сословий, но и всех партий, я завидую тихому спокойствию, которым вы наслаждаетесь за Альпами...» (Ibid. 5).

Действительность в интерпретации Сидония и других позднеантичных авторов получает «некий эталонный, вневременной характер»⁹, великие примеры прошлого заслоняют настоящее. Так, например, при виде Мантуи Сидоний вспоминает мятеж великого Цезаря, при виде Фано – смерть Гасдрубала (I. 5, 3), тогда как тот же Сальвиан при виде любого города замечает в нем лишь грязь и пороки (Salv. VI, 13-15).

Сидоний постоянно находит в прошлом достойные примеры для сравнения и подражания. Поздравляя женившегося друга Гесперия, он желает, чтобы супруга помогла ему в литературных занятиях, «как Марция помогала Гортензию, Пудентилла – Апулею, Рустициана – Симмаху».

Несомненно, заслуживает нашего внимания отношение современных исследователей к личности Сидония. В конце XIX – первой половине XX вв. творчество Сидония воспринималось как продукт неизменной, целостной («монолитной») личности¹⁰. Так, биограф Сидония К. Стивенс (C. Stevens) пишет по этому поводу: «Он был добросовестным обозревателем своего времени... Он был честным, достойным уважения человеком... Мы не видим развития его характера, но мы видим коллекцию точных и выразительных изображений, иллюстрирующих образ действий людей V века. Вокруг Сидония сконцентрирован его мир; это разнообразный мир, но он стоит неподвижно в его центре»¹¹.

Во второй половине XX в. сложилась противоположная тенденция, в рамках которой личность галльского поэта представлялась более сложной. Считалось, что Сидоний кардинально изменил свои взгляды на окружающую его действительность: став епископом, полностью отказался от своих старых взглядов, отрекся от всего

⁹ Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 22.

¹⁰ См.: Ешевский С.В. Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века // Соч. Т. 3. М., 1870; Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи (политические взгляды Сидония). СПб., 1908; Stevens C.E. Sidonius Apollinaris and his age. Oxf., 1933.

¹¹ Stevens C.E. Sidonius Apollinaris and his age. Oxf., 1933 (ND Westport 1979). P. 9.

«мирского», пережив подлинный кризис личности («*crisis of identity*»)¹² (как это было у Павлина Ноланского или Августина Блаженного¹³), нередкий для той эпохи.

Такие выводы, на первый взгляд, кажутся вполне обоснованными, особенно, если чрезмерно полагаться на свидетельства Григория Турского (Hist. Franc. II. 21-25). В «Истории франков» Сидоний предстает в образе святого мужа, человека глубоко религиозного и альтруистичного. Да и сами письма при поверхностном рассмотрении подталкивают исследователя к подобным умозаключениям: Сидоний неоднократно ставит себе в вину ранние «доепископские» записи и отношения с арианами-готами, довольно часто начинает и заканчивает повествование с упоминания Божьего имени.

Однако же, содержание писем чаще всего касается разнообразнейших светских дел и увеселений, принятых в тогдашнем позднеимском аристократическом круге (Sid. Epist. I. 1; I. 2; I. 9; I. 12; II. 4; III. 13; IV. 3; IV. 14; V. 17; VII. 9), причем особый акцент делается на служении Отечеству.

Оформление писем всецело соответствует классическим канонам риторики: для Сидония, как и для других позднеимских авторов, характерны реминисценции стиля и цитирование известных писателей, редко употребительные слова, изысканные архаизмы, бесчисленные метафоры. Хороший стиль и техническая изощренность, представлявшие собой цель, а не средства, проявлялись буквально в каждой строчке его произведений.

Скорее всего, мировосприятие Сидония, сформированное под воздействием античной системы воспитания и образования, подверглось не слишком серьезным изменениям с принятием епископского сана. «Старые» римские ценности, такие как служение государству, богатство и знатность рода, риторическое образование, занятия литературой продолжали оставаться первостепенными для галльского интеллектуала.

SIDONIUS' LETTERS AND LIFE OF LATE ANTIQUITY'S SOCIETY

E.V. LITOVCHENKO

*Belgorod National
Research University*

e-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

This paper is dedicated to the analysis of specific the Late Roman intellectuals` mentality by the letters of Sidonius Apollinaris – Gallic aristocrat of 5 A.D. The research is under way by means of the microhistoric approach. The author is arrive at a conclusion, that the unstable political situation, the fall of Rome and the adoption Christianity by most of the Latin authors weren't change the ancient cultural lines in the Late Roman mentality.

Key words: Late Antiquity, epistolary genre, intellectuals, rhetorical educational system, mentality, classical tradition.

¹² Goldberg E.J. The Fall of the Roman Empire Revisited: Sidonius Apollinaris and His Crisis of Identity // Essays in History. Corcoran Department of History at the University of Virginia. Vol. 37. 1995. Режим доступа: <http://etext.lib.virginia.edu/journals/EH/>

¹³ «Psychomachia», по выражению Пруденция.